

ИЗ СОТ ЦВЕТУЩИХ ЛИП

ИЗ ДИККЕНСА

Застывший на воде корабль,
везущий пестрых эмигрантов,
которых ненасытный краб
не расчленил. От транспарантов
бессмысленных (когда они –
лишь только совести очистка
без самосохраненья, – нимб
для новомученика списка
расстрельного) плывут-бегут
в Австралию они и дальше,
надеясь: волны – изумруд
и бриллиант подарят, краше
которых нет. Ведь нет примет
их прошлых жизней и мытарствий
в той неизвестности, где свет
так сед, где воздуха лекарство
латает душ лохмотья, где
ты по-другому видишь, слышишь,
и понимаешь жизни текст,
где розы прут до самой крыши.

Есть добрые люди на свете,
спасут, не потребовав мзды,
от чистого сердца. И ветер,
и самый порывистый ветер,
играющий в пар или в дым,
склонится болотною птицей.
Пуускай же трещат, как горох,
они в калебасах, крупицей
спасая гоморрцев от блох
вулканических, селитровых, серных.
Они – как внезапный подвох
всем тем, разбивающим меры
для личного кайфа. Мой вздох
продлён через них; я – химера –
создание их из кривых
нелепых фрагментов в Шумерах,
святых, архаичных, чудных.

Зимней омелы
не видно в коронах.
Зелень царит, прикрывая изъям,
и выпускает путём проторённым
лозных акаций лиловый фонтан.
Гроздьё каскада латают ограды
и отдают новый цвет, новый ритм,
новые вкусы блудному чаду.
Пламя зелёное жарко горит,
не обжигая, сжигает, лишь пепел
в тучи швыряя, как жертвенный дым.
Он оседает на ватманы сепшей,
предохраняя иных от беды.

Голубь пляшет,
как испанский гранд,
на жабо (вернее – зоб) надеясь.
Утро не излечивает ран,
лишь стрелу пускает мимо цели,
лишь сдирает старые бинты,
как в бреду – израненная жертва.
А в кустах то дятлы, то коты
обнаrodуют свои прожекты,
утверждая право на эфир,
звукоизвлечение и пристрастье.
Время травы косит на гарнир
некой звёздной тёлке, безучастной,
но весьма прожорливой, её
охраняет золотистый овод.
Голубь-гранд без усталости снёт,
страсть и инстинктами закован.

Махровой ласкою затылок гладит
и отправляет на четыре стороны...
И нету больше никакого сладу
с руками и ногами; но больным
не будет он, не станет, не изволит,
не сдастся на дорогах окружных;
лишь плоть свою, как грядку переполет
и станет новой почвой для весны,
которая когда-нибудь пробьётся,
когда его уже не будет... Пусть...
У каждого – свой срок, и ни на йоту
его не изменить. Небесный руст –
без малой щёлки – перуанской кладкой –
изволит сыпать водяную пыль.
Любителя жестокого порядка
ранжир еловый он не позабыл.

Не вино, так, может, кофе,
может, кофе мне поможет.
Мнутся песенные строфы,
и мотив их рёбра гложет.
Степь так широка, и вьётся
чёрный ворон, как идея
надоевшая, в колодце
отражаясь то и дело.

Прибалтийский мой амиго,
в чистом янтаре застывший,
пусть пески раскроют книгу
для тебя и явят тыщи
уникальных артефактов.
Только ты прочесть их сможешь.

Не найти мне лотофагов,
может, кофе мне поможет.

Цикорий снова смотрит на меня
так искренно, восторженно, влюблённо.
Жду каждый год его. Готов с пелёнок
тот взгляд как откровение принять.

А память – то ли скрежет, то ли скрип –
сечёт стекло души своим корундом.

Смягчает боль, но только на секунду,
мёд воздуха из сот цветущих лип.

Где когда-то шумели леса,
нынче только лишь полупустыни.
По Декану блуждают глаза
синекожего бога, и стынет
на Кайласе пустынный настырный...
Ну а здесь тройка венгров взахлёб
вспоминает любимых артистов –
дождь фамилий стучится о лоб
старых парковых широколистов.
Их кора отстаёт от стволов
от того пыла-жара беседы:
всяк имеет богатый улов
и готов им делиться с соседом.
Ветерок разбивает жару,
будто взгляд синекожего бога...
Передышка, ещё один круг –
до вершины, осталось немного.

Рыжий конский хвост на бунчуке.
 Кони сыты. Бог Сульдэ сраженью
 рад. Куманы – где-то вдалеке,
 бросивши предателей. Вторжение
 началось. На стенах Буды ждут
 чуда потерявшие беспечность
 венгры. Как плотину смявший пруд,
 заливают степь монголы. Печень
 гордеца терзает жадный крик
 где-то рядом с Шайо. Как же так –
 бывшие красою и грозой,
 отхватив ни славы, но позора,
 тьмою тьмущею накрыты... Так бардак
 в головах приводит к катастрофе.
 Началось. На стенах Буды ждут
 чуда потерявшие беспечность
 венгры, и на несколько минут
 раскрывается над ними вечность.

СТАНСЫ

Под Шашхедь-горою
 мышью полевою
 я не норы рою,
 а нутро харонье.

Прыгают вороны
 на горячих тронах –
 серым эскадронам
 по стезе наклонной.

Сердце зноя кокон
 захватил. В глубоком
 обмороке строгий
 шорник домостроя.

В шкуре Будапешта,
 в зелени кромешной,
 шествуют поспешно
 всех оттенков пешки.

Пешки-пешеходы
 кочевой породы –
 в перьях новомодных
 и в пушинках-кодах.

Коды идентичность
 выдают с поличным,
 дно берлог столичных
 и замашки птичьи.

Под Шашхедь-горою
 мышью полевою
 я не норы рою,
 а нутро харонье.